

Педро Кальдерон де ла Барка

Молчанье — золото

Действующие лица

Дон Хуан, знатный кабальеро.
Барсоке, его слуга и наперсник.
Марсела, дама.
Инес, ее служанка.
Леонор, дама.
Хуана, ее служанка.
Альварес, оруженосец.
Дон Педро, старик, отец дон Хуана.
Селио, его слуга.
Дон Диего, знатный кабальеро, брат Леонора.
Эрике, его слуга.
Дон Луис, знатный кабальеро.
И прочие.

Действие происходит на пути в Мадрид и в Мадриде.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Улица. Появляется дон Хуан в черном облачении монаха ордена Сантьяго, украшенном большой ракушкой. Рядом с ним — Барсоке.

Барсоке:

Мой господин, скажи, какая ноша, что за печаль тебе согнула плечи? Ты в удручен? Это ли не диво! Вздыхаешь ты? Блажен, кто отлучится: его по возвращении ждут сюрпризы.

Поведай же скорей причину скорби!

дон Хуан:

Причина та, что имени причины не знаю я.

Барсоке:

Как так?

дон Хуан:

А вот послушай.

С тех пор, как ты отправился, Барсоке, по просьбе моего отца, с владений фамильных наших дань собрать, со мною такие приключились перемены, что вся моя прославленная доблесть, которой я кичился, отражая потоки стрел Венеры и Амура, вся спесь моя — увы! одни руины. Былого нет следа. Видать, недаром сказал мудрец, а люди повторяют: «С Венерой и Амуром шутики плохи».

В минувший вторник в церковь по соседству пошел я к мессе и увидел даму...

Не даму, нет! — я выразился плохо: богиню... да, вот так точнее — богиню!

Природа, мастерица в ухищрениях, умилица, которой нет соперниц, творенья не рождала совершенней.

Сдается мне, что все свое искусство она пустила в ход, чтоб воплотилась в реальности бесплотный идеал

и результат трудов поведал миру, как мастер превосходит сам себя.

Когда ее увидел я, Барсоке, черты прелестниц, милые когда-то, вмиг потускнели в памяти моей.

Красавицы бывлые — лишь наброски, черновики. Она — шедевр бесценный.

Писатель, что на суд глумливый света дерзает выставить свое создание, отбросив суету, глядит сурово

на детище свое и строго судит его изъяны: штрих сюда добавит, убавит там, и, устали не зная,

сотрет строку и вымарает слово, — и так до той поры, пока, довольный, сто раз черновика не перебелил

и чистовик печатнику не верит. Так и природа, тщательно шлифуя

обличья красоты, свои просчеты убрать стремится: тут слегка подправит, там подравняет — и, глядишь, в итоге

такое божество являет миру, такое совершенное творенье, что ни описок в нем, ни опечаток —

и крохотной помарки не отыщешь! Барсоке:

Весьма цветисто! Но, сказать по правде, хоть до небес ее ты превозносишь —

мне неохота на нее глядеть.

дон Хуан: Что так?

Барсоке:

Ах, дон Хуан, по этой части кредит доверья полностью исчерпан.

дон Хуан: Неужто?

Барсоке:

Да, весьма прискорбный случай: последнюю всю жизнь считаешь лучшей!

дон Хуан:

Клянусь, всегда я мог владеть собою и унимать сердечные волнения.

Ни у одной из тех, кем я пленялся, нет оснований похвалиться в свете,

что плен мой длился более недели. Молили — оставался непреклонным!

Лишь раза два сдавался я на милость той, что дешевле прочих обходилась.

Но правил, друг мой, нет без исключений. Сдается, мне на этот раз попалась

В прошлом номере «ЭС» была напечатана пьеса Михаила Смоляницкого «Дон Жуан — Лесничий» — современная версия «русской и русифицированной донжуанианы». Теперь мы предлагаем вниманию читателей несколько отрывков из первого действия комедии Кальдерона «Молчанье — золото», впервые переведенной на русский язык Натальей Ванханен.

Наталья Ванханен — поэт, переводчик. По образованию филолог-испанист, автор книг стихов «Дневной месяц», «Далекие ласточки», «Зима империи». В ее переводах печатались стихи многих испанских и латиноамериканских поэтов — это Антонио Мачадо, Гарсиа Лорка, Луис Серунда, Габриэла Мистраль и другие.

жемчужина.

Барсоке: Но к делу: кто она?

дон Хуан: Да в том и суть — я этого не знаю!

Барсоке:

Ты не пошел за ней? Какая жалость, что не было меня с тобой в Мадриде!

Я вмиг бы все разнюхал: имя, титул и где живет, да что там — где крестили!

дон Хуан: Случайность помешала мне.

Барсоке: Какая?

дон Хуан: Да так, пустяк.

Барсоке: Пустяк? Я весь вниманье.

дон Хуан:

Я вслед за ней пустился, чтоб проведать, где дом ее. Едва свернул на Прадо, как вижу: трое против одного.

Один-то был не промах, дрался славно и с ловкостью парировал удары,

но было видно — из последних сил. Они б его, конечно, закололи,

и не спасла бы смельчака отвага, когда бы я на помощь не пришел.

Ободренный подмогой, безмяный мой кабальеро пыл в бою удвоил

и одного на месте пригвоздил. Тут набежал народ, и поневоле

пришлось нам отступить. Его оставил я в церкви по соседству. Бедный малый

обязан жизнью мне. Но что мне в этом? Красавицу свою я упустил.

Барсоке: А кто должник твой?

дон Хуан:

И того не знаю!

Он высказать хотел мне благодарность, но я почел за лучшее оставить

любезности и поскорее скрыться, чтоб не попасться страже на глаза.

Барсоке:

Какой благодарный! Но вернемся к красавице твоей: я с облегчением

услышал, что причина тяжких вздохов любовь и только.

дон Хуан: Почему, Барсоке?

Барсоке:

Да потому, что это ненадолго: ты завтра же печаль свою избудешь:

другую встретишь, эту позабудешь.

дон Хуан:

Что ж, может быть. Но только мне сдается, едва ль другая сыщется на свете,

чтоб с той же силой всколыхнула душу.

Барсоке:

Да неужели с первого же взгляда влюбиться можно так неизлечимо?

дон Хуан:

Как ты сказал? Послушай, дурачина: ведь Горгоне, чтоб убить,

довольно взгляда, а змея нужна всего лишь капля яда;

наповал сражает меч одним ударом,

долго ль молнии зажечь леса пожаром?

Так неужто же любовь слабей Горгоны?

Как змея, отравит кровь; сметет препоны,

точно меч; как гром небесный не утихнет —

только гланет, только ранит, только вспыхнет!

Барсоке:

Вот это да! Но что на эту тему Марсела скажет?

дон Хуан:

Господи, Марсела!

На каждый день годится это блудо, но в счет не входит, это справедливо —

так повелось: любой балбес придворный имеет постоянную подругу,

что прочим увлеченным не помеха. Он говорит о ней: «моя», «с моего».

Наличие ее необходимо:

ведь должен быть хоть кто-то под рукою, дабы платиться за любую колкость чужих красавиц, с нами нелюбезных!

Барсоке:

А бедная Марсела верит свято, что без нее не обойдется вы!

Что влюблены вы так же, как когда-то!

Что страстью к ней пылаете!

дон Хуан:

Увы!

Так видится бедняжке это дело, да дело обстоит совсем не так.

И, видишь ли, когда пора приспела мне поступить в ряды лихих вояк

(во фландрском был походе, в итальянском — сам герцог Лерма в битвы нас водил), —

надумала любезная Марсела мне подарить — дабы глаза мои

и сердце позабыть ее не смело — ракушку, рыцарей Сантьяго знак,

с ее портретом, выправленным умело.

Барсоке: Смеяться можно?

дон Хуан: Что тебе смешно?

Барсоке:

Да суетность марсел и их желанье позировать! Простительно оно

инфанте, отправляемой в изгнание невестой — на закланье падишаху.

Дон Хуан направляется к кулисе.

Куда теперь?

дон Хуан:

Куда? Коль дал я маху

и потерял моей богини след, начнем сначала!

Барсоке:

Как?

дон Хуан:

Другого нет

пути, как тот же путь проделать снова. Ее я в церкви встретил — мы пойдем

туда вдвоем и подождем в притворе. Сегодня праздник, к мессе все спешат,

быть может, и ее увидим вскоре. Держу пари, она живет вблизи.

Барсоке: С чего ты взял?

дон Хуан:

Да гром меня срази —

пешком ходить богиням не пристало, и, зная, она из нашего квартала!

Барсоке:

Из нашего? Чудно, что раньше тут ее вы не встречали.

дон Хуан:

Что ж такого?

Ведь многие недавно здесь живут — мы жителей окрестных знаем мало.

Барсоке:

Да, верно, так в Мадриде повелось: хоть посели их всех в одни хоромы —

парфяне и мидяне не знакомы. Все вроде вместе, а на деле врозь.

Слева из-за кулис выходят Марсела и Инес.

Марсела:

Прикройся, мы ведь здесь с тобой без спросу —

вдруг он узнает!

Инес:

Да столкнись нос к носу,

он нас узнать не сможет ничем!

Марсела:

И то сказать, он слишком увлечен последнюю неделю. Знать бы, кто там его манит, что ждет за поворотом!

Инес: У входа в церковь встал он, недвижим.

Марсела: Прекрасно! Мы последуем за ним.

Направляются в церковь.

дон Хуан: Постой, Барсоке! — в церковь не входи.

Барсоке: Я отлучен?

Инес:

Да вон он, впереди!

Вдруг он узнал нас?

Марсела:

Может быть... Скорей,

встань вот сюда.

дон Хуан:

У этих вот дверей

и подождем.

Барсоке: Что ты задумал, друг?

дон Хуан:

О, если только зренье мне не лжет,

в одном луче я вижу солнца круг,

в единой капле — целый небосвод.

Та, что сейчас выходит, — Боже мой! —

из двери храма, видишь, вот она!

О нет, я не обманут новизной —

так хороша на свете лишь одна!

Чтоб не спугнуть ее, неровен час,

помешкаем немного меж людей:

пускай идет, не замечая нас,

а после мы последуем за ней.

Выходят в другие двери.

Марсела: Слыхала?

Инес: Да, сеньора.

Марсела: Так и есть!..

Из церкви выходят Леонор, ее служанка Хуана и оруженосец Альварес.

Леонор: Альварес!

Альварес: Да?

Леонор: Пошлите за портнезом.

Хуана:

Что за причуда? Вы хотите сесть

в портнез? К чему? Нам ровно шаг до дому.

Леонор:

Я не домой, Хуана, по-другому

я поступлю, пусть брат меня бранит:

в убежище свое он не велит

являться мне — нарушу повеленье.

А ты ступай домой.

Альварес:

Мое почтенье —

портнез вас ждет!

Леонор: Иду.

Барсоке: (Держи — уйдет!)

Леонор:

Любовь и честь — какой ужасный гнет!

Какая мука, чем я виновата?

Где мой жених? Увижу ли я брата?

Леонор, Хуана и Альварес удаляются. Дон

Хуан и Барсоке выходят из церковного пор-

тала. Марсела и Инес незаметно следуют

за ними.

дон Хуан:

Ну что, Барсоке? Видишь, мой язык

был скуп на похвалы — ее заметит

любой.

Барсоке:

Все так, да я-то не привык

судить о том, что вовсе мне не светит.

Служанкой обойдусь — хвала судьбе!

Служанка, между прочим, так себе.

дон Хуан: О, как я счастлив!

Барсоке:

Времени не трать!

Пойдем за ней — узнаем, где живет,

пока привычка шпагу обнажать

не помешала.

дон Хуан:

Да, мой друг, вперед!

Ее лица сиянье, как магнит,

влечет мой безумные мечты

и за собою следовать велит —

подсолнухом за солнцем красоты.

Порывается последовать за Леонор, но у

дверей его внезапно останавливает Марсе-

ла.

Марсела:

Нет, погодите, сделайте мне честь:

с подсолнухом такая же беда —

он ловит оком солнечную весть,

но солнцу вслед не ходит никогда!

дон Хуан (в сторону): О черт, Марсела!

Барсоке:

Что я говорил!

Мы влипли. Стычка добрая — пустяк

в сравнении...

дон Хуан:

Марсела — ты? Нет сил

поверить! Ты? Ты здесь? Но как же так?!

Марсела:

Я волновалась, что с тобой такое,

причину грусти, думала, найду,

дознаюсь, кто лишил тебя покоя...

И вот дозналась на свою беду!

дон Хуан:

Вот новости! Я поражен немало,

не устаю дивиться чудесам!

И что же про меня ты разузнала,

чего я о себе не знаю сам?

Марсела:

Не знаешь сам? Тем лучше! Или хуже.

Тебя известье радостное ждет:

в одном луче ты солнце обнаружил,

в единой капле — целый небосвод.

Барсоке (в сторону):

Коль слышала она и о портрете,

мы отжили свое на этом свете!

дон Хуан:

Упрямыца! Не даст соврать Барсоке —

я, как вошел, узнал обеих вас.

Ну, думаю, нуждается в уроке

моя Марсела хоть на этот раз

за глупый маскарад, за недоверье,

Так скромненько, пешком, без экипажа...
Марсела: Обманщик! Дармоед! И ты туда же?
 И эту ложь мы проглотить должны?..
дон Хуан: Угомонись, Марсела, ради Бога!
 Клянусь тобой!..
Марсела: Собой клянись, нахал!
дон Хуан: Ах, ты и я – одно! Еще с порога -
 я повторяю – я те б я у з н а л!
Марсела: Разыграно отменно, как по нотам!
дон Хуан: Барсоке, дорогой, ступай к воротам,
 пока Марселу я развесело.
 Тот человек... еще он, верно, близко...
 Ну, помнишь... у него моя расписка...
Барсоке: Иду сеньор...
Марсела: Куда? Я не велю!
дон Хуан: Ему по делу надо...
Марсела:

Эй, Инес!
 Держи его!
Инес: Сейчас! Кто из повес
 тут говорил: “Люблю, хвала судьбе,
 служанок – жаль, служанка так себе”?
Барсоке: О Господи! Еще не надоело?
 Как не наскучит слушать в сотый раз!
 Клянусь собой, тобой (чтоб ты сгорела!)
 и повторяю: м ы у з н а л и в а с.
Марсела: Ах, дон Хуан! Напрасны все старанья,
 и пылким клятвам веры больше нет.
 Угрюмость, охлаждение, невниманье
 последних дней – неистребимый след
 другой любви, которой ты послушен,
 она твои мечты уносит вывись...
 Со мной ты стал рассеян, равнодушен,
 и прежних ласк не даришь мне...

дон Хуан: Уймись!
 Тебя, похоже, никакая сила
 не образумит! Чем тебя проймешь,
 раз удил ты нынче закусила
 и хочешь выдать истину за ложь!
 Но берегись! Терпеть я не намерен!..
Марсела: Я? Ложь за правду выдать? Клеветник!
 Уж если кто и лжет, как сивый мерин...
дон Хуан: Ну-ну, Марсела, придержи язык!
 Ты место ссоры выбираешь плохо:
 здесь люди смотрят – любопытно им.
 Не поднимай-ка зря переполоха.
 Ступай домой. Потом поговорим.
Марсела: Домой? Одна? А ты – вернешься позже?
 Не ясно ли: он мне уйти велит,
 чтоб без помех бежать на свой магнит –
 за новой юбкой вслед! Великий Боже!
 Что ж, скатертью дорога, дорогой!
 Сыта по горло и терпеть не стану -
 довольно ухищрений и обмана! -
 чтоб ты при мне гонялся за другой!
Барсоке (хозяйину): Прижми ракушку к сердцу понежней -
 хоть чем-нибудь потрафить надо ей!
дон Хуан: Сыта по горло? Чудно! Очень рад!
 Мне тоже притворяться надоело,
 я ухожу! Любви простыл и след!
 Все кончено. Прощай же!
Марсела:

Ну уж нет!
 К ней не пойдешь, разбойник, грубиян!..
дон Хуан: Пусти!
Марсела: Неблагодарный!..
Входит дон Педро.
дон Педро: Дон Хуан!
дон Хуан: Я слушаю.
дон Педро:

Просите позволения
 у дамы подойти ко мне сюда.
Марсела: Не надо – он отпущен навсегда! (*дону Хуану*):
 Прочь с глаз моих! Мне ложь не по нутру!
 Идем, Инес! (*в сторону*): От ревности умру!
Уходят.
дон Хуан: Упущен случай в довершение бед!
Барсоке: Увы! Зато бесценный цел портрет!
 Он так тебе был дорог до сих пор!
дон Хуан (дону Педро): Так что вы мне при-
 кажете, сеньор?
дон Педро: Я выбранил тебя имею право.
 По меньшей мере неблагоприятно
 средь бела дня зевакам на потеху
 столь громогласно выяснять с подружкой,
 кто виноват! Ты заслужил бесспорно
 подобные упреки, и однако
 здесь не затем я. А затем, чтоб только
 напомнить: адмирал уже в дороге -
 он на пути в Бискайю. Это значит,
 что надлежит тебе Мадрид покинуть.
 И поскорей – иначе вашу милость
 в строю он по приезде не застанет.
 Ты, верно, позабыл, что задержался
 лишь для того, чтоб подождать Барсоке!
 Барсоке тут. Готовы все бумаги,
 и ты обязан выехать немедленно, -
 не ждате же обвиненья в дезертирстве.
 Раз ты зачислен в полк, тебе негоже
 опаздывать, напрасно навлекая
 упреки в нерадивости и даже -

кто знает! – за предательство расплату.
дон Хуан: Я никогда ослушаться не смею
 советов ваших. И хотя, как видно,
 мое вам показалось поведение
 смешным и недостойным, я осмелюсь
 уверить вас: придворные забавы
 одно, а долг и честь – совсем иное!
дон Педро: О, вот ответ, достойный кабальеро!
 Пойдем же, я снабжу тебя деньгами –
 отложены они на этот случай.
 Пускай Барсоке складывает вещи,
 баулы ждут.
Барсоке: Сеньор, иду за ними!
дон Хуан: Так ты домой? Тогда возьми вот это -
 здесь все мои бумаги о вступлении
 в наш славный полк (рассеянный не в меру
 я их в нагрудном протаскал кармане
 с момента зачисления), – положи
 в багаж походный с прочим снаряженьем.
Барсоке: Все сделаю, как надо, будь споко-
 ен!
Уходит.
дон Педро: Ну, в добрый путь, сынок! Те-
 перь ты воин!
дон Хуан (в сторону): Любовь моя, прости! Какая мука!
 Каких событий злая череда!
 С забвением обвенчана разлука
 в любой душе, но в этой – никогда!
Уходят.

Леонор пробирается в дом, где ее брат, дон Диего, скрывается от властей, опасаясь, что его ждет наказание за дуэль, на которой он ранил человека. Она готова на все, чтобы помочь брату. Туда же приходит ее жених дон Луис. Они клянутся друг другу в любви. Дон Луис отправляется на войну.

*Комната в доме дона Педро. Появляются дон Хуан, Барсоке, дон Педро и Селио со све-
 чами.*
дон Хуан: Все ли сложено, болван?
Барсоке: Все сложили и свернули.
 Разве только дон Хуан
 не сидит еще на муле!
дон Педро: Вот что, неслух, ты пеняя
 на себя, коль что забудем...
Барсоке: Что ни слово – нагоняй!
 Знаем, слыхивали.
 Будем подводить итог сейчас.
 Мулов двое – двое нас:
 тут ошибки никакой.
 Все, что надо, под рукой:
 два баула, плащ из драпа,
 шарф и фетровая шляпа.
дон Хуан: Летом? Ты сошел с ума.
Барсоке: Вдруг застигнет нас зима?
 Зонт от солнца.
дон Педро: Ночью зонт?
Барсоке: Ночь-то ночь, да горизонт
 озарится скоро снова,
 глядь, а мы еще без крова -
 тут-то нас и припечет!
 Твой, Барсоке, недочет!
 К счастью, я не так-то прост.
 Жалко, нет зонта от звезд.
 О мехах забыл!
дон Хуан: В июле?!!
Барсоке: Пригодятся ввечеру.
дон Педро: Спят!
Барсоке:

Эк вы не смекнули!
 Как без меха-то в жару!!
(Вытаскивает из груди вещей огромный мех для вина и трясет им перед носом дона Педро.)
дон Педро: А-а, с вином! И сколько их?
Барсоке: По две штуки на двоих.
дон Педро: Слушать этого болвана -
 не удеешь никогда.
Барсоке: Все собрал. Но вот что странно...
 Быть не может! Ерунда!
 Даже думать неохота -
 понапрасну тратить пыл.
 Чобыи мог забыть я что-то?!!
 А сдается, что забыл...
дон Хуан: Ну, пожмем друг другу руки!
дон Педро: Наставленья ни к чему -
 сам все знаешь! В час разлуки
 дай тебя я обниму.
 С Богом, сын мой!
дон Хуан: Может, вас
 небо слышит, но сдается -
 не вернусь на этот раз.
(В сторону.) О, разлука, что зовется
 верным средством от любви,
 не отказывай в услуге -
 затуши огонь в крови,
 исцели мои недуги!
Уходит.
дон Педро: Ну, пора!
Барсоке: Длинна дорога!
дон Педро:

И во сне, и наяву
 ты теперь ему подмога.
Барсоке: Лишь за этим и живу!
(В сторону.) Все учесть – мое призванье.
 Ни крупницы – я таков! -
 не оставлю без внимания...
 Не оставлю и мехов.

(Уходит, унося мехи с вином. Произносятся все это, то и дело к ним прикладывается.)

Дон Хуан и Барсоке трогаются в путь. Дон Педро обнаруживает, что они забыли документы Хуана. В доме Леонор вспыхивает пожар. Спасаясь от огня, она оказывается в доме дон Педро, и тот предлагает ей заночевать у него, заперевшись на ключ. Поколебавшись, Леонор соглашается.

Дон Педро и служанка Хуана уходят. Леонор запирает дверь.

Леонор: Что же ты, моя судьба,
 только с бурями в соседстве?
 Я покорна и слаба -
 мало сил и много бедствий!
 Чобыи за четыре дня
 столько всякого случилось!
 Пощади, судьба, меня,
 окажи такую милость!
 Сколько надо претерпеть -
 мы хлопот не выбираем! -
 чтоб былые беды впредь
 показались божьим раем!

Усаживается в кресло.

Я вконец утомлена,
 и гнетут меня невзгоды,
 снова сердцу не до сна,
 но велик закон природы:
 сон ли, обморок придет,
 чтоб забвения вкусила...
 Я у неба наперед
 не забвенья попросила -
 лишь терпенья...

Засыпает.

Стараясь не шуметь, дон Хуан и Барсоке отпирают дверь.

дон Хуан: Тсс, потише –
 так весь дом разбудишь ты!
 Дай-то Бог, отец не слышит!
 Раз уж ты забыл листы -
 все, как есть, – с ним шутки плохи,
 хлопочи, не хлопочи!
 И спасибо суматохе,
 что не отдал ты ключи!
Барсоке: Я терзался всю дорогу,
 есть не ел и пить не пил! -
 и внезапно – слава Богу! -
 вспомнил, что же я забыл.
 Нет, Барсоке – нужный парень!
 Что там! – умница большой!
дон Хуан: Как я был бы благодарен,
 как воспрянул бы душой,
 если б мы назад вернулись
 не забрать бумаги, нет! -
 а пройти вдоль узких улиц
 и найти любимой след!
Барсоке: Что отдашь за это?
дон Хуан: Душу!
Барсоке: О, высокая цена!
дон Хуан: Свет за дверью!
Барсоке:

Вот те на!
 В этот час? Ей-богу, струпу!
дон Хуан: Верно, кто-нибудь из слуг
 позабыл свечу в прихожей.
 Ах, что вижу я, мой друг!
Барсоке: Свят, свят, свят!
 Помилуй, Боже!
дон Хуан: Ты дрожишь?
Барсоке: Дрожу? Не грех
 и от страха содрогнуть, если
 та, что в мире лучше всех,
 в вашей спальне спит на кресле!
дон Хуан: Это чудо из чудес -
 возблагодарим же небо!
 Боже, я душой воскрес,
 чем воздать тебе?!

Барсоке: А мне бы
 прочь убраться подобра-
 поздорову – не безделька
 наша жизнь. Сейчас умру!
 Состоялась, видно, сделка
 с чертом.
дон Хуан:

Что за идиди!
 Это просто ахинея:
 дьявол ангела пошлет?
Барсоке: Черт возьми – ему виднее!
 Ты за юбку, слышал я,
 душу дал на этом месте.
дон Хуан (восторженно): И теперь о н а

моя!
Барсоке: Значит, сделка – честь по чести.
дон Хуан: Эй, поближе! Дай свечу!
Барсоке: Я? Поближе? Ну уж дудки!
дон Хуан: Ты куда?
Барсоке:

Да вот хочу
 улизнуть, пока в рассудке.
 Жду у коновязи, друг,
 со святой господней верой!
 Ну, как выяснится вдруг -
 и погонщик пахнет серой?!

Убегает.
дон Хуан: Пылкой страсти порожденье,
 растолкуй мне, кто же ты:
 воплощение мечты,
 легкий дух воображенья,
 тень без жизни и движения,
 отражение любви?
 Как тебя ни назови,
 хоть оптическим обманом -
 мой слуга, болван болваном,
 без кипения в крови,
 по тебе не ливший слез
 это чудо видел тоже -
 ты на призрак не похожа,
 кто тебя сюда принес?
 О, ответь на мой вопрос,
 я в сомненьях изнываю!
 Кто ты? женщина живая
 или женщины здесь нет,
 и душою правит бред,
 ясный разум затмевая?
 Мучась от любовных ран
 и мечась среди видений,
 в царстве снов и царстве бдений
 я своим безумьем пьян?
 Ты, наверное, обман
 осязания и зренья,
 но гляжу – и нет сомненья:
 из неведомой страны
 о тебе, смотрящей сны,
 мне послали сновиденье!
 То ли реет сон над нами -
 знак бессмертия души?
 То ли брежу я в тиши?
 То ли грежу, как в тумане,
 наяву твоими снами?
 То ли мы с тобой вдвоем
 в небывалом сне плывем,
 то ли сам я стал тобою,
 раз дано тебе судьбою
 сладко спать во сне моем?!

Что же! Если только сны
 посылают миг покоя,
 мы с тобой уснуть должны
 вместе, рядом...
Леонор (просыпаясь): Что такое?
дон Хуан: Неизученный эффект
 непреодолимой страсти
 и самой любви секрет...
Леонор: Боже правый, что за бред?
 Неужели я во власти...
 Видите ли...
дон Хуан:

Нет, ослеп.
Леонор: Я доверилась в несчастье...
дон Хуан: Этот вымысел нелеп.
Леонор: Мне вдобавок дали слово...
дон Хуан: Я б не дал его вовек!
Леонор: Вы... приличный человек?
дон Хуан: Не уверен...
Леонор: Я без крова...
дон Хуан: Что ж...
Леонор: Не то я, чем кажусь.
дон Хуан: Пусть...
Леонор: Я лучше...
дон Хуан: Это ново.
Леонор: Разорвется грудь от муки,
 о предательстве скорбя!
 Я клянусь вам: на себя
 наложу немедля руки!
дон Хуан (хватая ее за руки): Я не дам!
Леонор:

Ужель глухи
 небеса к моим мученьям!
дон Хуан: Все любовные грехи
 изначально с отпущеньем
 появляются на свет.
Леонор: Закричу я!
дон Хуан: Ну уж нет!..
Леонор: Матерь Божья, разве мало
 бед свалилось на меня,
 чтобы в полъмя попала
 убегая от огня?!

Занавес

Перевод
 Натальи ВАНХАНЕН